

ПОЛИНА КУЗИНА СЛЕПАЯ ЗОНА

КНИГА 1. ТОЧКА ИЗЛОМА

18+

АРТЕМ ВОРОНОВ | ВЕРА СОКОЛОВА

Полина Кузина

Слепая зона. Книга

1. Точка излома

«Автор»

2026

Кузина П.

Слепая зона. Книга 1. Точка излома / П. Кузина — «Автор», 2026

Элитный спа-отель в глухих лесах Карелии отрезан от внешнего мира снежной бурей. В люксе номер четырнадцать архитектор Артем Воронов просыпается с разбитой головой. На полу лежит мертвая Екатерина — его любовница и деловой партнер. Дверь закрыта изнутри на цепочку, орудие убийства — в его руке, а деньги, предназначенные для шантажиста исчезли. Единственный шанс избежать тюрьмы — адвокат Вера Соколова, прибывшая среди ночи для выстраивания защиты. У них есть всего несколько часов до приезда полиции, чтобы найти брешь в обвинении. Но Артем скрывает тайну полугодовой давности — сбитого насмерть на ночной трассе молодого велосипедиста. Он еще не подозревает, что Вера приехала не защищать его: она — родная сестра погибшего парня и хочет мести.

© Кузина П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тени на белом стекле	6
Глава 2. Анатомия удара	9
Глава 3. Зеркало в осколках	12
Глава 4. Узел на шее	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Полина Кузина

Слепая зона. Книга 1. Точка излома

Полина Кузина
Слепая зона
Книга 1. Точка излома

Аннотация

Элитный спа-отель в глухих лесах Карелии отрезан от внешнего мира снежной бурей. В люксе номер четырнадцать архитектор Артем Воронов просыпается с разбитой головой. На полу лежит мертвая Екатерина — его любовница и деловой партнер. Дверь закрыта изнутри на цепочку, орудие убийства — в его руке, а деньги, предназначенные для шантажиста исчезли.

Единственный шанс избежать тюрьмы — адвокат Вера Соколова, прибывшая среди ночи для выстраивания защиты. У них есть всего несколько часов до приезда полиции, чтобы найти брешь в обвинении. Но Артем скрывает тайну полугодовой давности — сбитого насмерть на ночной трассе молодого велосипедиста. Он еще не подозревает, что Вера приехала не защищать его: она — родная сестра погибшего парня и хочет мести.

*«Каждый дом имеет несущую конструкцию.
Сломай ее — и рухнет даже самый надежный фасад».*

Глава 1. Тени на белом стекле

Снег шел так густо, что казалось, будто за окном медленно поворачивают гигантское полотно из ваты. Ни огней на пирсе, ни очертаний сосен на противоположном берегу фьорда — только слепая, белесая мгла, пожирающая свет уличных фонарей в пяти шагах от крыльца.

Вера заглушила мотор старого «Вольво». Двигатель, остывая, издал серию усталых металлических щелчков. Печка еще пару секунд выдувала в салон запах нагретой пыли и кофе из картонного стакана, купленного на заправке под Питкярантой четыре часа назад.

Она не выходила сразу. Сидела в темноте, глядя на тяжелый бревенчатый фасад спа-отеля «Северный риф». Место строили для тех, кто готов платить за иллюзию абсолютного уединения: карельский гранит, темное дерево, панорамные окна в пол, звукоизоляция, в которой глух собственный пульс. Уединение стоило дорого, пока не превращалось в западню.

В зеркале заднего вида отражались ее собственные глаза — темные, с резкими тенями от усталости. В бардачке лежала пачка «Парламента», но она дала себе зарок не курить в машине. Пальцы замерзли даже в кожаных перчатках.

«Если он виновен, — подумала Вера, глядя на мерцающий аварийный фонарь у главного входа, — я просто развернусь и уеду до приезда опергруппы. Пусть Ковалев сам разгребает дерьмо своего любимого партнера».

Она знала, что врет себе. Ковалев платил не за мораль, а за результат. Но дело было даже не в чеке с пятью нулями. Дело было в фотографии, спрятанной в защищенной папке ее телефона. Фотографии, которую она не открывала уже три месяца, потому что помнила каждую трещину на раме того злополучного велосипеда наизусть.

Снег скрипел под подошвами ее ботинок сухо и громко, как битое стекло.

Внутри пахло сосновой смолой от дизайнерской отделки стен, хлоркой из закрытого бассейна и застарелым запахом дорогого алкоголя. Администратор — бледный парень лет двадцати с трясущимися руками — даже не спросил документов. Он просто протянул ей пластиковую карту-ключ, которая больше не имела значения: замок на двери четырнадцатого люкса был выломан пожарным ломиком.

Когда дверь приоткрылась, Веру встретил сквозняк.

Окно стояло на микрощели — тяжелая дубовая рама чуть вибрировала от порывов ветра. Но этот сквозняк не мог выветрить главное. Запах крови всегда казался Вере странно теплым и сладковатым, напоминающим ржавую воду из старого дачного рукомойника.

Она заставила себя посмотреть на пол.

Екатерина Лебедева лежала на боку, неестественно подогнув под себя руку, словно заснула в неудобной позе после долгой вечеринки. Изумрудный шелк платья задрался выше колен, обнажая тонкие, почти прозрачные в полумраке ноги. На ковре под ее головой уже подсохло темное, почти черное пятно. Кто-то — видимо, тот же перепуганный портье — набросил ей на лицо и плечи махровое полотенце с вышитым логотипом отеля. Этот жест нелепой заботы делал всю сцену еще более жуткой.

Вера перевела взгляд к камину.

Артем сидел в глубоком кресле из серой шерсти, уперев локти в колени и опустив голову. Широкие плечи, обтянутые тонким кашемировым свитером, были напряжены так, будто он ждал удара в спину. Свет от настенного бра выхватывал профиль: тяжелая нижняя челюсть, прямой нос с едва заметной горбинкой, темная полоса трехдневной щетины.

На виске запеклась корка — темная, рваная рана, от которой по щеке тянулся бурый след. Его руки лежали на коленях ладонями вверх, пальцы были полусогнуты и мелко подрагивали. Костяшки сбиты в кровь.

— Дверь не закрывайте, — произнес он, не поднимая глаз. Голос звучал так, будто он наглотался песка. — Здесь нечем дышать.

Вера не послушалась. Она толкнула дверь назад, и щеколда с мягким щелчком встала в паз. Звук отрезал их от остального мира.

— Меня зовут Вера Соколова, — сказала она ровно, подходя к столу и снимая перчатки. Кожа остыла, и прикосновение к холодному лакированному дереву отозвалось неприятным покалыванием. — Ваш адвокат.

Воронов медленно поднял голову.

Взгляд у него был тяжелый, мутный, какой бывает у людей после сотрясения мозга или ударной дозы снотворного. Но сквозь эту муть пробивалась отчетливая, почти звериная настороженность. Он окинул ее взглядом снизу вверх — задержался на строгом темном пальто, на тонкой цепочке на шее, на бледном лице без косметики.

— Адвокат, — повторил он с горькой усмешкой, кривя разбитую губу. — Ковалев прислал женщину. Отлично. Чтобы я выглядел еще более жалким?

— Чтобы вы не отправились в «Кресты» до конца этой недели, — Вера расстегнула пальто, бросила его на спинку стула и села напротив, сокращая дистанцию. Между ними оставалось метра полтора. От него пахло виски, холодным потом и железом. — Вы можете потратить оставшиеся пять часов на жалость к себе или на попытки задеть меня. Мне все равно. Мое время оплачено вашей фирмой. Но когда сюда зайдут криминалисты, вы будете сидеть в наручниках на полу, Артем Сергеевич. И смотреть, как упаковывают в черный мешок вашу любовницу.

Слово «любовница» хлестнуло его сильнее, чем она рассчитывала. Артем дернулся, в глазах на секунду вспыхнула чистая, неконтролируемая ярость — он подался вперед, и Вера машинально напряглась, хотя не сдвинулась ни на сантиметр.

— Она была моим партнером, — процедил он сквозь зубы. Жилка на его виске, прямо рядом с кровавой ссадиной, бешено пульсировала. — Мы строили этот бизнес шесть лет.

— Тогда почему вы здесь? В номере за двести тысяч в сутки, в глуши, куда нормальные деловые партнеры не приезжают в ночь на среду посреди снежного шторма?

Он опустил взгляд на свои разбитые руки. Замолчал.

В комнате снова стало слышно, как бьется о стекло метель. Где-то в глубине коридора глухо стукнула дверь — видимо, охранник обходил этаж. Тени от настенной лампы вытягивались по паркету, касаясь края того самого белого полотенца на ковре.

— Нас вызвали, — тихо произнес Воронов. В его голосе больше не было злости, только глухая, свинцовая усталость. — Курьер принес конверт прямо в офис. Внутри была флешка и записка с адресом. Без подписи. Только фраза: «Или вы приедете вдвоем, или копия уходит в Главк».

— Что на флешке?

Артем посмотрел на нее в упор. В полумраке его серые глаза казались почти черными, зрачки были расширены. Вера почувствовала, как между лопатками пробежал холод: в этом человеке чувствовалась скрытая, спящая сила, которую он с трудом удерживал внутри.

— Вы правда хотите это знать, Соколова? — спросил он тихо, и тон его изменился — в нем появилась опасная, интимная вкрадчивость. — Потому что, если я скажу, вы станете соучастницей. Ковалев вас предупредил, во что вы влезаете?

Вера не отвела глаз. Она медленно достала из сумочки телефон, разблокировала экран и положила его на столик между ними — стеклом вверх.

На темном экране слабо светилась фотография: покореженное колесо спортивного велосипеда в мутной воде придорожной канавы, присыпанное прелыми осенними листьями.

Артем замер. Воздух со свистом застрял у него в горле. Он не моргнул, не отшатнулся — он просто перестал дышать, уставившись на экран так, словно на нем появилась ядовитая змея.

— Я знаю про трассу «Скандинавия», Воронов, — произнесла Вера почти шепотом, наклоняясь чуть ближе, так что уловила легкий тремор его ресниц. — Знаю про ту субботу в мае. И знаю, что мальчишку звали Денис. Ему было девятнадцать.

Она сделала паузу, давая тишине сдвинуть его виски.

— А теперь расскажи мне, Артем: это он шантажировал вас с того света, или ты убил Катю просто потому, что она больше не могла держать язык за зубами?

Глава 2. Анатомия удара

Телефон лежал на стекле низкого столика, разделяя их, как обнаженное лезвие. Экран медленно угас, погрузив комнату в мутный сумрак, разбиваемый лишь желтым пятном бра.

Воронов не шевелился. Он смотрел в темное стекло, в котором смутно отражалось его собственное лицо — серое, искаженное судорогой внезапного узнавания. Капля пота медленно сползла по его виску, огибая засохшую корку крови, и сорвалась на воротник свитера.

— Откуда у тебя это? — голос Артема прозвучал так тихо, что едва перекрыл глухой удар ветра в карниз. Это не было требованием. Это был надлом.

Вера не шелохнулась. Ее поза оставалась безупречно собранной: прямая спина, руки сложены на коленях, пальцы сцеплены в замок. Только легкая бледность вокруг сжатых губ выдавала напряжение.

— У адвокатов есть информаторы, Артем Сергеевич. В полиции, в моргах, среди дорожных рабочих. Снимок сделан через три дня после того, как вы уехали с того километра. Но тело... тело тогда так и не нашли, верно? Только велосипед. Смятый в гармошку, утопленный в канаве за кустами ольхи.

Артем медленно поднял руку и с силой провел ладонью по лицу, будто пытаясь содрать с себя оцепенение. Кожа под его пальцами побелела, ногти впились в щетину.

— Это была случайность, — выдохнул он. Слово повисло в воздухе, тяжелое и липкое. — Чертов туман. Дождь хлестал так, что дворники захлебывались на максимальной скорости.

— Мне не нужны ваши оправдания для господ бога, — холодно перебила Вера. — Мне нужна хроника. По минутам. Потому что человек, который сейчас лежит под простыней у ваших ног, больше ничего не расскажет. А майор Горохов, когда придет, начнет именно с этого: почему успешные бизнесмены с безупречной репутацией оказались в глухом карельском мотеле в три часа ночи рядом с трупом.

Воронов откинулся на спинку дивана. Глаза его закрылись. Казалось, он проваливается в воспоминание против воли, физически ощущая тяжесть той ночи.

— Мы возвращались со встречи с инвесторами в Выборге, — начал он глухо, глядя куда-то сквозь стену. — Катя пила шампанское. Много. У нее был триумф — мы закрыли сделку на прибрежный кластер, двадцать миллиардов рублей. На кону стояло всё: земля, кредитная линия, статус. Она смеялась, крутила музыку... Я вел. Я был трезв.

Он сделал короткую паузу, кадык судорожно дернулся.

— Старая дорога, объездной участок. Освещения ноль. Справа лес, слева скалы. Скорость была около ста десяти. Для «Рейндж Ровера» это ничто, машина шла как по рельсам. А потом... вспышка. Катафот. Серый силуэт прямо перед радиатором. Ни фонаря, ни жилета. Просто тень из ниоткуда.

Вера слушала, не перебивая, но ее взгляд впивался в каждую черту его лица. Она искала фальшь: микропаузы, бегающие зрачки, неестественные жесты. Люди врут словами, но их тела всегда выдают цену этой лжи.

— Звук, — прошептал Артем, и его пальцы снова сжались в кулаки, проминая ткань брюк. — Глухой, страшный удар о капот. Металл затрещал. Лобовое стекло пошло паутиной прямо перед лицом Кати. Она завизжала... Господи, этот визг до сих пор у меня в ушах. Машину повело, сработала стабилизация, я с трудом удержал руль на мокром асфальте. Протащило метров на шестьдесят вперед, прежде чем мы встали на обочине.

Он замолчал, шумно втягивая воздух носом. В камине что-то тихо щелкнуло — остывающий чугун.

— И что вы сделали? — голос Веры звучал монотонно, почти бездушно, заставляя его говорить дальше.

— Я выскочил. Дождь заливал глаза. Катя сидела в салоне, вцепившись в ручку двери, ее трясло. Я побежал назад по асфальту. На дороге никого не было. Только обломки пластика от нашей фары и колесо... заднее колесо велосипеда, вывернутое восьмеркой. Парень лежал в канаве, в траве, метрах в десяти от дороги. Лицом вниз.

— Он был жив?

Артем посмотрел на нее. В его взгляде мелькнуло что-то дикое, загнанное.

— Я спустился вниз. Поскользнулся на глине, упал на колени прямо в жижу. Дотянулся до его шеи. Пульса не было. Понимаешь? Не было! Шея была неестественно вывернута. Он умер мгновенно, от удара о стойку. Пацан. Худой, в дурацкой синей ветровке...

— Вы врач, Артем? — резко срезала Вера. — Вы фельдшер скорой помощи? Как вы определили смерть за тридцать секунд в темноте под ливнем?

— Я держал пальцы на его сонной артерии! — сорвался он, подавшись вперед. Их лица снова оказались в метре друг от друга. Вера почувствовала жар, исходящий от его тела, смешанный с запахом стресса и алкоголя. — Там ничего не билось. Он был тряпичным. Пустым.

— И тогда появилась Екатерина.

Воронов опустил плечи, ярость мгновенно испарилась, оставив пепел.

— Она подошла сзади. Увидела его. Ее вырвало прямо на обочине. А потом началась истерика. Она упала передо мной на колени в эту грязь, хватала меня за куртку... Кричала, что это конец. Что если приедет полиция, начнется проверка, банк отзовет гарантии, стройку заморозят, а нас посадят. У нее отец — замминистра в отставке, большое сердце, скандал его убьет. Она твердила: «Артем, нас не видели. Здесь глушь. Ни одной камеры на двадцать километров. Никто не узнает».

— И вы согласились. Успешный, рациональный архитектор просто взял и согласился закопать человека.

Артем криво, мучительно усмехнулся.

— Вы судите со стороны, Соколова. Легко быть святой в теплом пальто с адвокатской корочкой. А когда перед тобой труп, рядом рыдает женщина, с которой ты спал три года, а в телефоне висят контракты на миллиарды... ты перестаешь быть человеком. Ты превращаешься в животное, которое хочет спасти свою шкуру.

Вера не дрогнула, хотя слова о «женщине, с которой спал три года» кольнули ее где-то под ребрами — остро, глупо и не к месту. Она заставила себя проигнорировать этот укол.

— Куда вы дели тело?

— В багажник, — глухо сказал он. — Велосипед я зашвырнул глубже в бурелом, за болото. Мы поехали к старому песчаному карьеру возле Каменки. Там затопленные выработки, глубина метров тридцать, вода черная как чернила. Мы привязали к его ногам запасной тормозной диск из багажника, завернули в брезент... и столкнули вниз.

Он закрыл лицо руками. Комната снова утонула в тяжелой тишине. Снежная крупа с сухим шорохом секла панорамное стекло, напоминая шелест осыпающейся земли.

Вера медленно встала. Подошла к телу Екатерины, остановилась у ее изголовья. Полотенце скрывало лицо, но золотые волосы разметались по изумрудному шелку, тускло поблескивая в полумраке.

— Вы избавились от тела, — тихо произнесла Вера, глядя на покойницу. — Отремонтировали машину на нелегальном сервисе, стерли данные телематики. Прошло полгода. Вы почти поверили, что вам сошло с рук. А вчера пришел конверт.

— Да, — Воронов поднял голову. — Вчера в полдень. Курьер принес флешку. На ней было видео. Снятое с мобильного телефона из темноты леса у карьера. Качество дрянь, но видно всё: как мы открываем багажник, как вытаскиваем сверток, как я сталкиваю его в воду. И слышен Катин голос.

— Что требовал шантажист?

— Пятьдесят миллионов рублей наличными. И личную встречу здесь, в этом чертовом отеле, в номере четырнадцать. Он написал: «Если приедете без денег или вызовете ментов — оригинал уйдет в Следственный комитет через пять минут после полуночи».

Вера резко обернулась к нему. Ее темные глаза сузились.

— Пятьдесят миллионов? Наличными? За полдня?

— У нас была часть суммы в сейфе компании — готовили под кэш для неофициальных выплат субподрядчикам. Собрали около тридцати пяти. Катя сняла со своих счетов остальное. Мы привезли две спортивные сумки. Они стояли вот здесь, — Артем указал на пустой угол возле гардероба.

Вера подошла к углу. Ковер был слегка примят — два прямоугольных отпечатка от тяжелого дна сумок.

— Сумок нет, — констатировала она. — А теперь, Воронов, самое интересное. Вернемся к началу. Вы приехали вдвоем. С сумками денег. Что произошло в этой комнате в одиннадцать вечера?

Артем посмотрел на свои разбитые руки, потом перевел тяжелый, потемневший взгляд на Веру.

— Мы ждали. Катя нервничала, выпила коньяк из мини-бара. Я стоял у окна. Ровно в одиннадцать замок щелкнул. Дверь открылась.

Вера замерла.

— Дверь? Вы сказали, что вас заперли изнутри!

— Она открылась снаружи, — хрипло произнес Артем. — Своим ключом. В номер вошел человек в лыжной маске и темном пуховике. В руке у него был пистолет. Но он даже не стал стрелять. Он посмотрел на Катю и назвал ее по имени. А она... она не испугалась, Соколова. Она улыбнулась ему.

Глава 3. Зеркало в осколках

Слова повисли в остывающем воздухе номера, как тяжелый дым. Метель за стеклом на секунду затихла, и в этой внезапной паузе стало слышно, как гудит кровь в ушах.

Вера не пошевелилась. Ни один мускул на ее лице не дрогнул, но внутри всё натянулось, словно пережатая струна.

— Улыбнулась? — переспросила она. Тон был ровным, без тени удивления, словно она слушала отчет о скучной сделке. — Женщина, которая полгода пила антидепрессанты и вздрагивала от звука сирен, улыбнулась вооруженному грабителю в балаклаве?

— Не грабителю, — Артем горько усмехнулся, и на его разбитой губе снова проступила алая капля. Он слизал ее кончиком языка, даже не поморщившись. — Сообщнику.

Он поднялся с дивана — тяжело, опираясь руками о колени, как старик. Его тень на стене качнулась и накрыла светлый ковер. Ростом он действительно подавлял: широкая кость, разворот плеч человека, который привык месить грязь в сапогах на стройплощадках до того, как пересел в стеклянный кабинет на Петроградской. Но сейчас эта мощь казалась надломленной изнутри.

— Она сделала шаг к нему, — Артем зашагал по комнате, нервно, по кругу, обходя темное пятно на полу. — Сказала: «Ты опоздал на десять минут». Спокойно так, буднично. Будто он не с волейной ввалился, а пиццу привез.

— А вы?

— А я стоял как идиот. Картинка не складывалась. Понимаешь? Мозг отказывался верить. Мы шесть лет делили кабинет, счета, постель, черт побери! Я за нее готов был горло перегрызть любому подрядчику или чиновнику из мэрии. А она стояла там, смотрела сквозь меня и ждала, пока он заберет сумки.

Вера медленно подошла к каминной полке. Провела пальцем в перчатке по гладкому камню. Там остался круглый светлый след от мраморной пепельницы, расколотой теперь у изголовья труп.

— Вы поняли, что вас подставили, — тихо сказала она. — Шантаж был фикцией.

— Не просто фикцией. Разводом высшей пробы, — Артем остановился у панорамного окна. Отражение его лица двоилось в темном стекле на фоне летящих белых хлопьев. — Все эти месяцы она внушала мне паранойю. Говорила, что за нами следят, что видела похожую машину у дома, что слышит щелчки в трубке. Раскачивала меня. А когда пришел конверт с флешкой... она первая закричала, что надо платить. Сама назвала сумму — ровно столько, сколько мы могли выскрести без продажи долей в бизнесе. Пятьдесят миллионов. Из них тридцать пять — мои. Личные накопления и оборотные средства бюро.

— А ее пятнадцать?

— Векселя. Которые она обналичила бы через подставную контору на следующий день после того, как я бы исчез.

— Почему вы должны были исчезнуть?

Воронов резко повернулся к ней. В полумраке его глаза блеснули лихорадочным, опасным огнем.

— Потому что парень с пистолетом не собирался оставлять меня свидетелем. Сценарий был написан до миллиметра: ограбление на трассе или разборка в номере. Артем Воронов сбегает с деньгами за границу от долгов и уголовки за сбитого парня, а несчастная Екатерина Лебедева возвращается в Питер жертвой обстоятельств, закрывает все активы на себя и начинает новую жизнь.

— Красивая схема, — Вера склонила голову к плечу. Прядь темных волос выбилась из гладкой прически и упала на щеку. Она не стала ее убирать. — Только один нюанс, Воронов. Если всё так, почему мертва она, а не вы?

Артем сделал шаг к ней. Медленный. Давящий.

Вера не отступила ни на миллиметр. Она чувствовала тяжелое дыхание мужчины, исходящий от него жар лихорадки и запах запекшейся крови. На таком расстоянии любой следователь почувствовал бы угрозу. Но Вера видела другое — отчаянный, загнанный импульс зверя, который чует капкан, но не знает, с какой стороны захлопнулась дверца.

— Потому что я не лег на пол, как они рассчитывали, — его голос упал почти до шепота, хриплого и шершавого. — Когда он поднял ствол, я дернулся вперед. Сбил его с ног. Мы покатались по ковру. Я выбивал пистолет, он бил меня рукояткой по затылку — отсюда эта дыра на виске. Пистолет отлетел под кровать. А потом... Катя схватила эту гребаную пепельницу с полки.

Он замолчал, сглотнув ком.

— Она хотела ударить вас? — спросила Вера, и ее голос впервые за эту ночь потерял ледяную монотонность. В нем проскользнула живая, острая нота.

— Она замахнулась на меня, пока я держал его за горло. Кричала: «Отпусти его, урод!» Я перехватил ее руку. Дернул на себя. Она была на этих проклятых шпильках... поскользнулась на гладком паркете у камина. Рухнула затылком прямо на угол гранитной плиты. Звук... — Артем зажмурился, и его плечи мелко задрожали. — Кость хрустнула, как сухая ветка под ногой.

— А второй?

— Воспользовался моментом. Врезал мне ногой в челюсть, пока я смотрел на нее. Я отключился. Буквально на пару минут — в глазах поплыли белые круги, тошнота... Когда я очухался, его не было. Сумок не было. Пистолета не было. А дверь... — он открыл глаза и посмотрел Вере прямо в душу, — дверь была заперта изнутри. На гребаную цепочку и щеколду.

Вера смотрела на него долгие десять секунд. Снег за окном ударил в стекло с новой силой — глухой, барабанный дробью.

— Вы понимаете, как это звучит? — наконец произнесла она. — Вы утверждаете, что неизвестный грабитель убил вашу партнершу вашими руками, забрал пятьдесят миллионов, вышел из номера, а затем каким-то мистическим образом запер тяжелую стальную задвижку изнутри, чтобы подставить вас еще надежнее?

— Я не знаю, как он это сделал! — Артем сорвался на глухой рык, шагнув еще ближе. Их разделяли сантиметры. Вера видела каждую трещинку на его губах, расширенные зрачки, в которых плескался неподдельный кошмар. — Но он был здесь! Живой человек из плоти и крови!

— Эксперты СК не верят в призраков, Артем. Защелка была закрыта. Окно на щеколде. На пепельнице — только ваши пальцы. Если мы выйдем с этой версией в суд, прокурор уничтожит нас за пятнадцать минут. Тебя посадят до конца жизни.

— Тогда придумай что-нибудь! — он внезапно схватил ее за плечи.

Хватка была железной, отчаянной, пальцы сквозь ткань пальто впились в мышцы. Обычная женщина закричала бы или попыталась вырваться. Но Вера только замерла, глядя ему прямо в переносицу. Ее дыхание осталось ровным, хотя сердце в груди пропустило глухой, тяжелый удар.

— Отпусти руки, Воронов, — негромко сказала она. — Быстро.

Артем словно очнулся от удара током. Взгляд его дрогнул, пальцы разжались. Он отступил на шаг назад, тяжело дыша и глядя на свои ладони с отвращением.

— Прости. Я... я не контролирую себя.

— Контролируй, — отрезала Вера, поправляя воротник. — Иначе через пять часов тебя будут контролировать конвоиры с собаками.

Она повернулась к столику, достала из пачки сигарету — тонкую, белую — и зажала ее в губах. Зажигалка в ее пальцах щелкнула с сухим металлическим звуком. Огонек на секунду осветил ее тонкие черты, заострившиеся скулы и холодную решимость во взгляде. Она глубоко затянулась, выпустив струю сизого дыма в сторону темного окна.

— У твоей истории есть одна огромная дыра, Артем, — произнесла она, стряхивая пепел в пустой стакан из-под виски. — Ты рассказал мне про сообщника Кати. Но ты не назвал его имени.

Воронов нахмурился.

— Я же сказал: он был в маске. Я не видел лица.

Вера сделала еще одну затяжку. Дым медленно таял под высоким деревянным потолком.

— Лица ты не видел. Но ты слышал его голос. Ты сам сказал: он назвал ее по имени. Каким был его голос, Артем? Молодым? Хриплым? Может, с легким южным акцентом или дефектом дикции?

Артем замер. Его брови медленно поползли вверх, на лбу прорезалась глубокая складка. Он попытался вспомнить — в глазах мелькнуло усилие, за которым последовала глухая пустота.

— Обычный голос. Низкий. Ничего особенного...

— Ты врешь, — тихо сказала Вера, делая шаг к нему сквозь сизый дым. — Или память блокирует то, во что ты боишься поверить сам. Потому что никакого неизвестного сообщника не было.

Она вынула сигарету изо рта и затушила ее о дно стакана с коротким шипением.

— Человек, который зашел сюда, не грабитель. И Катя не улыбалась сообщнику. Она улыбнулась тому, кого знала всю жизнь. Твоему брату, Артем. Или ты забыл сказать своему адвокату, что у твоего младшего брата Максима долг в сорок миллионов и неделя до того, как его закопают в лесу?

Глава 4. Узел на шее

Воздух в номере мгновенно вымерз, словно между ними рухнула ледяная стена.

Артем отшатнулся на полшага. Его лицо, еще секунду назад серое от усталости, побелело окончательно — до синевы вокруг губ. Желваки на челюсти свело судорогой. Он смотрел на Веру так, будто перед ним стоял не наемный юрист, а следователь, уже защелкивающий на его запястьях стальные браслеты.

— Откуда ты знаешь про Максима? — выдохнул он. Голос сорвался на опасный, низкий хрип. — Кто тебе сказал? Ковалев?

— Ковалев уверен, что ты святой гений архитектуры, которого пытаются сожрать конкуренты, — Вера не отвела взгляда, медленно застегивая среднюю пуговицу пальто. Жест был демонстративно спокойным, хозяйским. — Ковалев видит только балансовые отчеты и эскизы жилых кварталов. А я вижу людей. Прежде чем сесть в машину и ехать двести километров по метели, я подняла всё: кредитную историю твоей семьи, закрытые исполнительные производства, картотеку арбитража.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.